Дмитрій Цензор

старое ге

Книгоиздательство „Е

1907.

Дмитрій Цензоръ.

СТАРОЕ ГЕТТО.

Книгоиздательство „EOS".

1907.

Типографія „ГРАМОТНОСТЬ". Невскій пр., №82.

СТАРОЕ ГЕТТО.

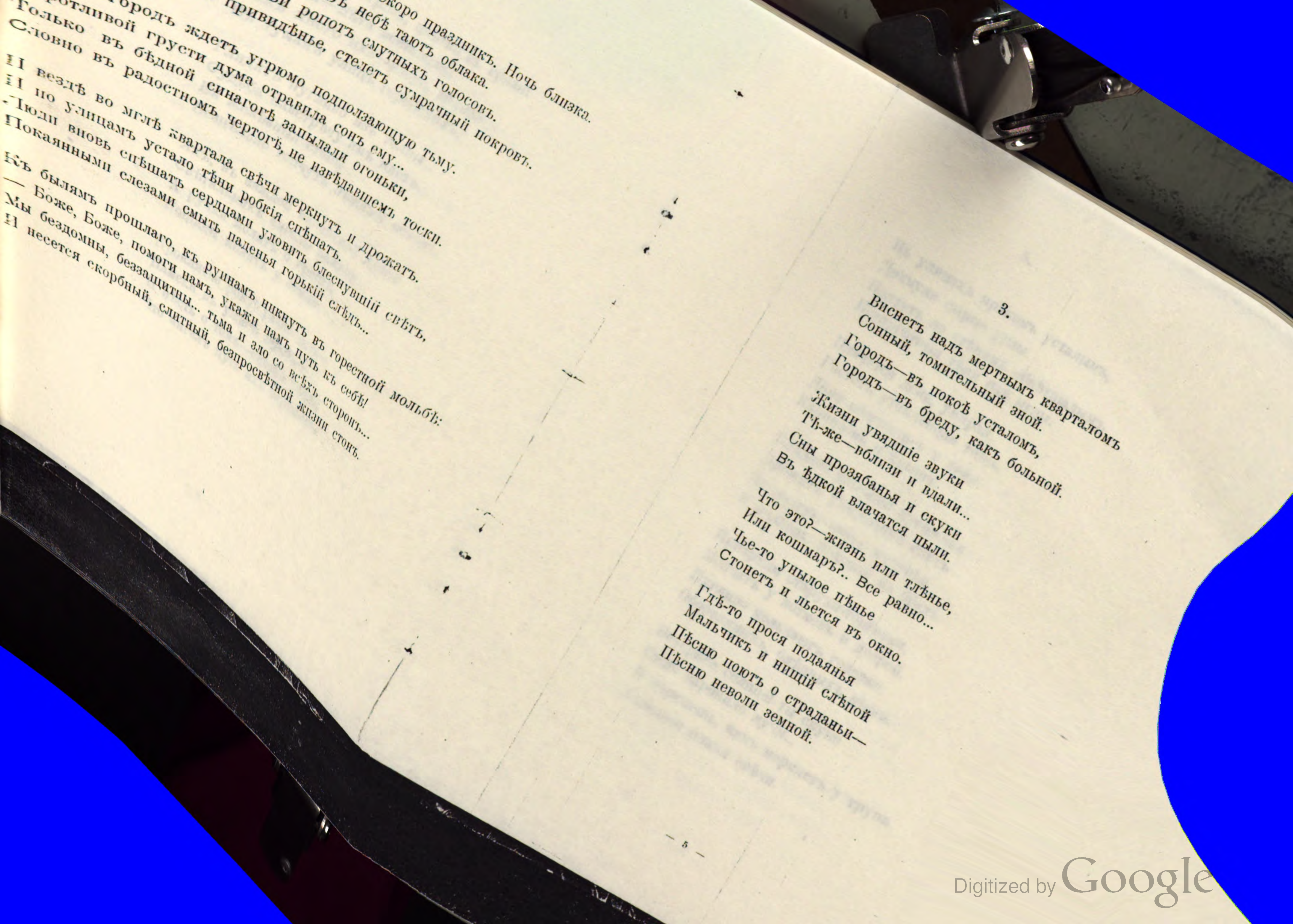
1.

Нависли сумерки. Таинственны и строги
Пустыя улицы. Имъ снится даль временъ.
И только иногда, смущая мутный сонъ,
Спѣшитъ по нимъ еврей—дитя земной тревоги.

Брожу у ветхихъ стѣнъ угрюмой синагоги—
И слышу пѣніе унылое, какъ стонъ...
Здѣсь тѣни скорбныя глядятъ со всѣхъ сторонъ,—
О, какъ блѣдны они, измучены, убоги!

Здѣсь рѣютъ призраки кровавыхъ темныхъ лѣтъ
И молятъ жалобно и гонятся во слѣдъ
Испуганной мечтѣ... Сгустилась тьма ночная.

И гетто старое мнѣ шепчетъ, засыпая:
„Возьми моихъ дѣтей...Имъ нуженъ вольный свѣтъ,..
Имъ душно, душно здѣсь... Темна ихъ доля злая..."

...коро праздникъ. Ночь близка.
...ъ небѣ таютъ облака.
...й ропотъ смутныхъ голосовъ.
...привидѣнье, стелетъ сумрачный покровъ.
...ородъ ждетъ угрюмо подползающую тьму.
...ротливой грусти дума отравила сонъ ему...
Только въ бѣдной синагогѣ запылали огоньки,
Словно въ радостномъ чертогѣ, не извѣдавшемъ тоски.
И вездѣ во мглѣ квартала свѣчи меркнутъ и дрожатъ.
И по улицамъ устало тѣни робкія спѣшатъ.
Люди вновь спѣшатъ сердцами уловить блеснувшій свѣтъ,
Покаянными слезами смыть паденья горькій слѣдъ...
Къ былямъ прошлаго, къ руинамъ никнуть въ горестной мольбѣ:
— Боже, Боже, помоги намъ, укажи намъ путь къ себѣ!
Мы бездомны, беззащитны... тьма и зло со всѣхъ сторонъ...
И несется скорбный, слитный, безпросвѣтной жизни стонъ.

3.

Виснетъ надъ мертвымъ кварталомъ
Сонный, томительный зной.
Городъ—въ покоѣ усталомъ,
Городъ—въ бреду, какъ больной.

Жизни увядшіе звуки
Тѣ-же—вблизи и вдали...
Сны прозябанья и скуки
Въ ѣдкой влачатся пыли.

Что это?—жизнь или тлѣнье,
Или кошмаръ?.. Все равно...
Чье-то унылое пѣнье
Стонетъ и льется въ окно.

Гдѣ-то прося подаянья
Мальчикъ и нищій слѣпой
Пѣсню поютъ о страданьи—
Пѣсню неволи земной.

4.

Цвѣтки въ грязи, цвѣтки въ грязи!
О, дѣти—дѣти мостовыхъ!
Какъ много ихъ—вдали, вблизи—
Въ туманѣ улицъ городскихъ.

Глядятъ пугливо изъ толпы...
Судьба навстрѣчу имъ идетъ.
Ея желѣзныя стопы
Безцѣльно топчутъ нѣжный всходъ.

Ахъ, въ каждой маленькой душѣ
Свѣтильникъ ангелы зажгли...
А ручки молятъ о грошѣ,
Пощады молятъ у земли.

Проклятье року! развѣ есть—
Намеки въ ужасѣ заботъ—
И вѣсть о томъ—святая вѣсть,
Что ангелъ путь ихъ бережетъ.

5.

Въ улицахъ мракомъ усталымъ,
Дохнули сырые углы.
Ползутъ по стѣнамъ обвѣтшалымъ
Безпріютныя тѣни изъ мглы.

Плачется день, умирая.
Растетъ утомленная тишь.
Дома обагрились у края
Карнизовъ и крышъ.

Блѣдной улыбкой прощенья
Дрожитъ умирающій свѣтъ
За долгую тайну мученья
И полдень, похожій на бредъ.

Притихли старухи-торговки,
Молчатъ у лотковъ и дверей.
Пугливо мелькаютъ головки
Оборванныхъ, блѣдныхъ дѣтей.

Вечернее солнце! ты скупо
Сюда заронило лучи...
И меркнешь, какъ меркнетъ у трупа
Холодное пламя свѣчи.

6.

Въ безмолвіи стариннаго квартала
Проходитъ жизнь, туманная, какъ бредъ.
Смѣнился день. Глухая ночь настала,
И зажелтѣлъ изъ оконъ тусклый свѣтъ.

И въ поздній часъ у мрачнаго портала
Я жду ее—хранящую обѣтъ...
Она глядитъ печально и устало,
И призрачно звучитъ ея привѣтъ.

И бродимъ мы, тоскуя и любя,
Безмолвные, безропотно скорбя.
Мы ничего не ждемъ и безнадежны

Часы любви. Надъ нами ночь и тьма.
Вокругъ молчатъ потухшіе дома
И грезы ихъ, какъ старость, безмятежны.

7.

Еще псаломъ о вѣчномъ богѣ
Не прозвучалъ изъ алтарей.
Но—конченъ тусклый день тревоги,
И ждетъ Суббота у дверей.

Пришла желанная Суббота,
Въ сіяньи бѣлаго вѣнца!
И распахнулись ей ворота,
И улыбнулись ей сердца.

Замолкли улицы и зданья,
Вздыхаетъ вечеръ. Духъ людской
Исполненъ кротостью страданья
И тихой, чающей тоской.

Собралась къ праздничному хлѣбу
Къ вечерней трапезѣ семья...
Зажгите свѣчи—свѣчи небу!—
Тебѣ, о, Горній Судія!

Зажгите свѣчи, осѣняя
Молитвой рукъ ихъ желтый свѣтъ!
Пришла невѣста Адоная
Исполнить радостный завѣтъ.

Войди вѣнчанная царица,
Суббота—свѣтлая жена—
Сюда, гдѣ твой народъ томится,
И въ жизни смерть отражена.

Овѣй сердца легендой вѣры
И бѣлой свѣжестью одеждъ...
Благословляетъ вечеръ сѣрый,
Тебя, о, мать святыхъ надеждъ.

8.

Я весеннимъ утромъ выйду,
Стану въ сумракѣ воротъ.
Сердце вспомнитъ про обиду,
И забьется. И замретъ.

Покачнется занавѣска
У сосѣдняго окна...
Улыбнись моя невѣста!
Нынче праздникъ и весна.

Я проснулся въ сладкихъ чарахъ,
Голубые видѣлъ сны.
Не узналъ я улицъ старыхъ—
Какъ свѣтлы, подметены...

Выйду въ сумракъ подворотній,
Помечтать о свѣтломъ днѣ.
Будетъ праздникъ—день субботній...
Блѣдный ликъ мелькнетъ въ окнѣ...

9.

Въ садахъ мечты я выстроилъ чертогъ...
Ведутъ къ нему воздушныя ступени,
Хрустальный сводъ прозраченъ и высокъ,
Вездѣ цвѣты, цвѣты и блескъ весенній.

Въ чертогъ любви и чистыхъ наслажденій
Я ухожу отъ скорби и тревогъ
И вижу сны... Я въ нихъ всесильный геній,
Восторженый и радостный, какъ богъ.

Когда же день бросаетъ алчный зовъ,—
Мои мечты—испуганныя птицы
Умчатся въ даль... и снова, блѣднолицый,

Блуждаю я средь стонущихъ рабовъ.
И жизнь моя тоскливѣе темницы,
Не знающей ни солнца, ни цвѣтовъ.

10.

Бѣдная комнатка. Сѣрыя стѣны.
Ночь боязливо стучится въ окно.
Часики тикаютъ вѣчно, безъ смѣны...
Бѣдная комнатка. Сѣрыя стѣны.
Я въ ней томлюсь одиноко, давно.

Мракъ надо мной неизмѣнный владыка.
Въ трепетномъ свѣтѣ лампады ночной
Смотрятъ углы непривѣтно и дико.
Мракъ надо мной неизмѣнный владыка,
Вмѣстѣ съ подругой своей—тишиной...

Долго они сторожатъ мои думы.
Смутные облики сѣрыхъ тѣней
Близко подходятъ, враждебно-угрюмы...
Долго они сторожатъ мои думы,
Будто глумясь надъ тоскою моей.

Мысль ударяется въ сѣрыя стѣны
И упадаетъ безъ цвѣта и силъ.
Часики тикаютъ вѣчно, безъ смѣны...
Мысль ударяется въ сѣрыя стѣны...
Мракъ неподвижно и жутко застылъ.

„Кто это смотритъ темно и сурово?“.
Спрятались тѣни по темнымъ угламъ.
Зрѣетъ въ молчаньи безумное слово:
„Кто это смотритъ темно и сурово?
Я вамъ души истомленной не дамъ!..“.

Голосъ рождается чуждо и странно...
Страхъ за спиною беззвучно встаетъ.
Часики тикаютъ все неустанно...
Голосъ рождается чуждо и странно..,
Кто-то въ окно постучался и ждетъ...

11.

Въ этихъ глазахъ, потускнѣвшихъ отъ слезъ,
Въ душахъ, замкнутыхъ пугливо,
Есть ли безумье желаній и грезъ,
Пламя тоски и порыва?
Если въ тебѣ не угасла вполнѣ
Гордая страсть возмущенья—
Что же ты, блѣдный, стоишь въ сторонѣ,
Съ краской стыда и смущенья?

Празднествомъ свѣтлымъ нетлѣнно горятъ
Будущей жизни чертоги.
Ты-же, какъ нищій, потупилъ свой взглядъ,
Молча стоишь у дороги...
Шумно струится великій походъ
Къ двери, открытой для смѣлыхъ...
Что-же ты медлишь, страдалецъ-народъ,
Въ темныхъ и скорбныхъ предѣлахъ?

Солнце—для тѣхъ, кто свободу любилъ,
Счастье—для жаждущихъ счастья...
Если ты жажду святую убилъ
Въ темной печали ненастья,
Если ты снова повѣрить не могъ,—
Лучше умри на дорогѣ!..
Жалкихъ не любитъ безжалостный рокъ,
Слабыхъ казнитъ на порогѣ.

Время бѣжитъ, какъ движенье воды,—
Время смываетъ былое.
Жизни минувшей блѣднѣютъ слѣды,
Мощно цвѣтетъ молодое.
Если твой духъ навсегда обнищалъ,
Если ты старъ и безсиленъ,—
Лучше умри, какъ разбившійся валъ
Въ мракѣ скалистыхъ извилинъ!

12.

Я рожденъ отъ рабовъ, и въ душѣ у меня
Есть недугъ безпощадный и темный...
Озираясь, иду. И, безсилье кляня,
Все боюсь, беззащитный, бездомный...

Все въ испугѣ смотрю—не подходитъ ли врагъ.
Сердце ждетъ незаслуженной раны...
И пугаетъ меня притаившійся мракъ,
И пугаютъ меня ураганы.

И бреду стороной, какъ угрюмый злодѣй,
Угнетенный какой-то виною...
О, зачѣмъ я люблю красоту и людей!
О, зачѣмъ я поникъ за стѣною!

Я рожденъ отъ рабовъ и не смѣю войти...
Заглушилъ молодые порывы
И бѣгу, и бѣгу по ночному пути,
Беззащитный, бездомный, пугливый.

13.

Въ этой темной, враждебной странѣ
Небеса молчаливо-угрюмы.
Здѣсь родились проклятья во мнѣ,
Расцвѣли мои черныя думы.

Здѣсь я жизни повѣрить не могъ
И не могъ полюбить всей душою
Потому что я былъ одинокъ,
Неразгаданный, смятый враждою.

И огонь въ моемъ сердцѣ погасъ,
Обезсилѣли гордые взоры;
Полюбилъ я загадочный часъ,
Разлюбилъ золотые просторы.

И когда блѣдный свѣтъ умиралъ,
И ложились ночные покровы,—
Я, какъ Филинъ, во мракѣ стоналъ,
Я смѣялся зловѣщій, суровый...

И тоска—безпощадный недугъ—
Сердце жгла до мучительной боли...
О, будь проклятъ, таинственный кругъ,
Гдѣ завялъ я безъ солнца и воли!

14.

Я одинокъ среди людей,
Моя душа чужда для нихъ—
И въ этомъ горе дней моихъ,
Трагедія судьбы моей.

Любовь, борьба, и плачъ и смѣхъ,
Созвучье словъ, согласность дѣлъ...
А мой таинственный удѣлъ—
Брести отторженно отъ всѣхъ.

Любовь и грусть сплелись во мнѣ,
Въ душѣ не злоба, а печаль...
Мнѣ всѣхъ людей до боли жаль
Въ ихъ темныхъ дняхъ, въ ихъ тускломъ снѣ.

И сердце хочетъ свой разсказъ
Чужому сердцу передать,—
Но жутко мнѣ глаза поднять—
Прочесть вопросъ пытливыхъ глазъ.

Какъ будто я носилъ въ тиши
Преступно-темную мечту;
Какъ будто въ безднѣ глазъ прочту
Чужія сумерки души.

И вотъ плету я жизни нить.
Средь многихъ жутко одному,
Увидѣвъ свѣтъ и зная тьму,
Устало ткать, устало жить.

15.

Краски солнца поблѣднѣли,
Розы сорваны и смяты.
Я иду къ далекой цѣли
Блѣднымъ сумракомъ объятый.

Мой просторъ великъ и страшенъ.
Одинокъ мой духъ въ пустынѣ.
Позади руины башенъ,
Гдѣ молился я святынѣ.

Вьются вслѣдъ мнѣ тѣни жизни,
Скорбный голосъ шепчетъ смутно:
„Воротись къ былой отчизнѣ...
„Все миражно, все минутно..."

О, пустынная дорога,
Ты меня сковала страхомъ!
Но въ тоскѣ я жажду Бога,
А былое стало прахомъ...

Алтари въ немъ опустѣли,
И вѣнцы съ кумировъ сняты...
Краски солнца поблѣднѣли,
Розы сорваны и смяты.

16.

Истомила меня роковая судьба
И вѣнецъ ратоборца суровый—
И хотѣлъ я сорвать одѣянье раба,
Расковать вѣковыя оковы.

Я на праздникъ пошелъ. Я сказалъ палачамъ:
„Это сердце покорное—ваше!"—
И со смѣхомъ внималъ ненавистнымъ рѣчамъ,
И прильнулъ къ окровавленной чашѣ...

Но не могъ я уйти отъ гнетущей тоски,
Отъ родныхъ безнадежныхъ видѣній...
И разбилъ я бокалъ дерзкимъ взмахомъ руки
И бѣжалъ для борьбы и мученій.

17.

Ты навсегда заклейменъ
Темной печатью,
Въ безднѣ минувшихъ временъ
Преданъ проклятью.

Блѣдный, измученный ликъ,
Взоръ твой, горящій сурово,
Скорби отчаянный крикъ—
Рѣютъ въ молчаньи былого.

Ты не уйдешь никогда
Въ новые звуки!
Скованъ твой духъ навсегда
Прошлымъ гоненій и муки.

Въ пирѣ подъ хохотъ и звонъ,
Средь палачей и позора,
Страшный увидишь ты сонъ,
Полный мольбы и укора.

Въ страхѣ ты звенья порвешь,
Злобныхъ отторгнешь объятья—
Снова къ проклятымъ придешь,
Сынъ вѣкового проклятья.

18.

Если настанетъ божественный судъ,
Судъ справедливый и строгій,—
Блѣдной толпой мои братья придутъ
Съ воплемъ мольбы и тревоги.

Будетъ преступенъ и жалокъ ихъ видъ,
Въ темномъ пути загрязненный...
Грозно тогда судія возгласитъ:
„Горе душѣ оскверненной!“

И развернетъ онъ страницы судьбы,
Повѣсти скорбной и длинной—
Повѣсти мрака и тяжкой борьбы
Смерти и крови невинной,

Жуткихъ паденій, позора, стыда,
Пытки, костровъ и гоненья...
О, Справедливый! прости ихъ тогда,
Въ жизни пріявшихъ мученья!

19.

Трепетали ночныя созвѣздія,
Крылья ночи на землю легли.
И молилъ я у неба возмездія
За великія скорби земли.

Гдѣ-то вѣтви сплетались терновыя,
И пылала святая тоска.
Гдѣ-то души лучистыя, новыя,
Потушила слѣпая рука.

И дорогами кровью залитыми,
Я дошелъ до родимыхъ руинъ
И поникъ надъ могильными плитами
Въ темнотѣ, побѣжденный одинъ...

Трепетали ночныя созвѣздія.
Ночь была въ молчаливомъ краю.
И молилъ я у неба возмездія
За разбитую душу мою...

20.

Приходи, о пророкъ, приходи,
Исцѣлить наши жгучія раны!
Уведи насъ изъ тьмы. Уведи
Въ золотыя, свободныя страны!

Сбросимъ звенья цѣпей вѣковыхъ,
Обвѣтшалыя бросимъ жилища;
Мавзолеи глухого кладбища
Позабудемъ для жизни живыхъ.

Мы такъ долго блуждали въ тѣни,
Зоревое сіянье искали...
Намъ лишь сны улыбались одни,
Намъ лишь робкія звѣзды сверкали.

Уведи насъ изъ ночи больной,
Гдѣ мы блѣдные, слабые вянемъ!
Мы довѣрчиво руки протянемъ
И, какъ дѣти, пойдемъ за тобой...

21.

Во мглѣ стариннаго квартала
Таилась жизнь моя, какъ тѣнь.
Заря безкровная вздыхала,
Вставалъ больной и мутный день.
Безъ ожиданій, безъ порыва
Глядѣлъ онъ хмуро и мертво...
И было жутко и тоскливо
Въ объятьяхъ сумрачныхъ его.

Душа томилась жаждой чуда...
Но мраченъ былъ покой домовъ.
Какъ изъ могилъ, брели оттуда
Живые сонмы мертвецовъ—
Для улицъ грязныхъ и неровныхъ,
Для преступленья и труда;
И было въ лицахъ ихъ безкровныхъ
Смущенье скорби и стыда.

И вотъ, ненужный и постылый
Своей убогой суетой,
Докучно жилъ кварталъ унылый
Въ тревогѣ тусклой и пустой.
На тѣсной площади базара
Стоялъ удушливый кошмаръ,—
Тамъ было все темно и старо—

Лачуги, люди и товаръ...
И утомлялъ, какъ шумъ пчелинный,
Глухой безсвязный крикъ заботъ.
И день безрадостный и длинный
Влачилъ тяжелый свой полетъ.
И въ душномъ царствѣ тьмы и гнили
Такъ безнадежно было жаль
Ихъ всѣхъ загубленныхъ, что жили,
Какъ бы любя свою печаль...

И тяжкій трудъ во тьмѣ подвала,
Гдѣ голодъ, ужасъ и позоръ,
Гдѣ руки движутся устало,
И безучастенъ мутный взоръ;
Гдѣ дѣти съ крикомъ просятъ пищи
У груди чахлыхъ матерей...
Гдѣ жизнь—угрюмое кладбище
Судьбой задавленныхъ людей!

Когда же долгій день, блѣднѣя,
Не улыбаясь, угасалъ,—
Какой-то странной грустью вѣя,
Сходила ночь въ нѣмой кварталъ.
Кошмары, полные печали,

Несла съ собой царица Тьма.
И, безнадежные, молчали
Слѣпые, черные дома.

О, ночи, ночи слезъ и муки!
На мнѣ осталась ихъ печать...
Я въ нихъ таилъ рыданій звуки
И научился проклинать.
И въ тѣ часы, когда томились
Больныя груди въ душномъ снѣ,—
Мнѣ тайны первыя открылись,
И свѣтъ блеснулъ впервые мнѣ.
И въ тѣ мгновенья, мракъ подпольный,
Возненавидѣлъ я тебя
И тѣсный кругъ, гдѣ трудъ невольный,
Гдѣ разцвѣла тоска моя!
Изъ зачумленнаго подвала,
Отъ скорби павшихъ и больныхъ
Душа рвалась и ярко ткала
Живую ткань надеждъ моихъ,—
Въ далекій міръ, къ вершинамъ бѣлымъ,
Гдѣ воля, солнце, красота!..
И сталъ я гордымъ, сталъ я смѣлымъ,
Какъ окрыленная мечта.

И въ жуткій часъ борьбы и гнѣва
Бросаю вамъ, владыки дней,
Зарницы бурнаго напѣва,
Мятежный стонъ тоски моей.
Моя тоска росла со мною—
Съ ней грезы дѣтства сплетены.
Мой бурный гнѣвъ рожденъ волною
Вскипѣвшей, мрачной глубины.
И если въ сумеркахъ безсилья
Душа для битвы замерла,—
Она теперь вздымаетъ крылья
И ропщетъ голосомъ орла!

22.

Бѣдныя дѣти печальнаго гетто!
Въ темное царство проклятій и слезъ
Смѣло пришелъ я и сердце принесъ
Съ братскою пѣсней любви и привѣта.

Васъ я зову къ неиспытанной долѣ,
Къ зорямъ свободнымъ, веселымъ краямъ.
Знаю: родились вы въ темной неволѣ,
Ваши глаза не привыкли къ лучамъ,

Вашу мечту отравили темницы,
Ужасъ свинцовый вамъ душу закрылъ;
Плача склонились вы къ плитамъ могилъ,
Скорбныхъ сказаній читая страницы...

О, еслибъ могъ я звенящимъ напѣвомъ,
Жгучимъ, какъ пламень, и острымъ, какъ мечъ,
Ваши усталыя души зажечь
Жаждой борьбы, возмущеньемъ и гнѣвомъ!

23.

Въ сумракѣ улицъ съ дневной суетой.
Въ грязныхъ углахъ и угрюмыхъ подвалахъ,—
Сколько васъ блѣдныхъ, больныхъ и усталыхъ,
Братски родныхъ съ безысходной нуждой!

Сколько не знавшихъ лучей и надежды!
. . . .
Больно мнѣ видѣть опухшія вѣжды,
Тусклые взоры съ покорной мольбой;

Больно мнѣ видѣть согбенныхъ трудами
Женщинъ безсильныхъ, больныхъ матерей—
Плачущихъ вѣчно слѣпыми глазами,
Робко молящихъ у чуждыхъ дверей;

Больно мнѣ видѣть дѣтей изможденныхъ,
Съ думой глубокой въ открытыхъ глазахъ,
Рано таящихъ невѣдомый страхъ,
Рано узнавшихъ тоску отчужденныхъ;

Больно мнѣ видѣть унынье и горе
Братьевъ отверженныхъ—міру чужихъ,
Въ рабствѣ забывшихъ о крыльяхъ своихъ,
Павшихъ душой въ многовѣчномъ позорѣ...

24.

Блѣдныя дѣвушки съ ласковымъ взглядомъ,
Полныя смутной и скрытой мечтой!
Рано отравленъ вашъ духъ молодой
Ядомъ тоски, безнадежности ядомъ.

Чужды вамъ лепетъ весеннихъ желаній,
Первой любви лучезарный расцвѣтъ...
Въ сумрачныхъ стѣнахъ разрушенныхъ зданій
Вянетъ утромъ безрадостныхъ лѣтъ.

Дѣвушки блѣдныя, грустныя, милыя!
Юноши съ гордой мятежной душой!
Бросьте подвалы—руины постылыя,
Въ даль уходите за новой судьбой!

Въ праздничный вечеръ безмолвный, весенній—
Я уловилъ затаенный порывъ...
Сумерки обняли гетто. Какъ тѣни,
Тихо мечтали вы, окна открывъ...

Было такъ много въ тотъ вечеръ печали,
Такъ ненавистенъ и тяжекъ былъ плѣнъ!..
Бросьте темницы!—ищите взамѣнъ
Чистыя, свѣтлыя дали...

25.

Ты посѣдѣлъ въ вѣнцѣ убогомъ,
На ветхой торѣ тлѣнь и пыль.
Но ты дерзалъ бороться съ богомъ,
Согбенный, старый Израиль!

Наперсникъ пламенныхъ твореній,
Учитель, воинъ и пастухъ!—
Во имя новыхъ озареній
Мятежилъ твой горящій духъ.

О, какъ долга твоя дорога—
Изъ мирныхъ нивъ, чрезъ Назаретъ
Въ кровавый чадъ, къ вершинамъ бога,
Гдѣ новый день, гдѣ вѣчный свѣтъ!

И вижу я,—какъ въ страшномъ спорѣ
Ты съ непокорныхъ сбросилъ плечъ
Свинцовый бредъ, столѣтій горе—
И поднимаешь древній мечъ.

Егова спитъ въ Ерусалимѣ,
Онъ отвратилъ свой отчій взоръ...
Сжигай и рушь! И въ красномъ дымѣ
Рождайся новый богоборъ!

26.

Ты, какъ цвѣтокъ, не согрѣтый лучами,
Въ сумракѣ гетто поблекъ и зачахъ.
Но—я читаю въ пугливыхъ очахъ
То, что въ тебѣ созрѣвало вѣками.

О, я повѣрилъ въ твое возрожденье!
Вижу какъ скорбныя очи твои
Вспыхнули свѣтомъ великой любви,
Вспыхнули юной мечтой пробужденья.

Братья мои! истомленные братья!—
Кто-то рождается, кто-то идетъ!
Темныя нѣдра колышетъ народъ,
Рветъ вѣковѣчныя звенья проклятья.

Слышите: гордая пѣсня запѣта...
Празднично вѣютъ знамена кругомъ...
Къ жизни и къ солнцу широкимъ путемъ
Движутся толпы изъ темнаго гетто.

27.

Я вернулся къ тебѣ. Не отвергни, прости!
Я покоренъ мечтѣ неизбѣжной...
Я вернулся къ тебѣ, чтобъ съ тобою пойти
Къ высотѣ красоты безмятежной.
О, воскресни! пойдемъ къ неизвѣданнымъ днямъ,
Освѣщая отставшимъ дорогу!
Создадимъ на горахъ человѣческій храмъ,
Чтобъ молиться безсмертному богу.

Еслибъ зналъ я, что ты на пути вѣковомъ
Растерялъ благородныя силы,
И стоишь, одряхлѣвъ, терпѣливымъ рабомъ,
На краю неизбѣжной могилы,
Что упалъ ты навѣкъ передъ кумиромъ земнымъ,
Предъ кумиромъ Тельца-Исполина,—
Никогда не пришелъ бы я къ дверямъ твоимъ
Съ покаяніемъ блуднаго сына!

Но—гонимый, какъ звѣрь—на кровавомъ пути
Ты въ душѣ сохранилъ Маккавея,
И готовъ за мечту на страданье пойти,
И пойти на костеръ, не блѣднѣя...
Но подъ тяжкой стопой безпощадной судьбы,
Обезсиленный рабствомъ безплоднымъ,
Ты способенъ возстать для великой борьбы
Непокорнымъ и гордо свободнымъ.

Такъ иди же впередъ! Будь спокоенъ и твердъ.
Бросивъ вызовъ земнымъ Властелинамъ.
Только тотъ, кто могучъ и возвышенно гордъ,
Подойдетъ къ лучезарнымъ вершинамъ.
И возьми всю мятежную силу мою,
Весь полетъ мой къ небесному своду—
Я тебѣ всѣ завѣтныя пѣсни спою,
И съ тобою умру за свободу!

Воспрянемъ!
Будемъ—тамъ—высоко,
Гдѣ надъ скорбной тьмой ночей
Разстилается широко
Необъятное для ока
Море огненыхъ лучей,
Гдѣ порывы и желанья
Непорочно-хороши...
Въ міръ надгорнаго сіянья!
Въ міръ—куда ведутъ страданья
Воскресающей души!

Блекнутъ мудрости страницы
Въ заколдованной чертѣ...
Будемъ вольные, какъ птицы,
Тамъ, гдѣ мысли нѣтъ границы
И законовъ нѣтъ мечтѣ!
Выше, радостнѣй! Изъ тлѣнья,
Изъ могилы суеты!
Сердце проситъ обновленья,
Жадно ищутъ просвѣтлѣнья
Омраченныя мечты...

Оглавленіе.